

Лои ФУЛЛЕР

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ МОЕЙ ЖИЗНИ

Перевод О. В. Михнюк

Издание второе, стереотипное

• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ •
• МОСКВА •
• КРАСНОДАР •

Ф 94 **Фуллер Л.** Пятнадцать лет моей жизни : учебное пособие / Л. Фуллер ; перевод с французского О. В. Михнюк. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург : Лань : ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2020. — 176 с. — (Учебники для вузов. Специальная литература). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-8114-4848-7 (Изд-во «Лань»)

ISBN 978-5-4495-0401-2 (Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»)

Лои Фуллер (1862–1928) — американская танцовщица, стоявшая у истоков танца модерн. Фуллер исполняла танцевальные импровизации в сопровождении классической музыки, была предтечей Айседоры Дункан, оказала влияние на последующие поколения исполнителей танца модерн. Ее мемуары «Пятнадцать лет моей жизни» (фр. “Quinze ans de ma vie”) с предисловием, написанным Анатолем Франсом, впервые увидели свет в Париже в 1908 г. Воспоминания написаны живым, увлекательным языком. Фуллер вспоминает о своих встречах с О. Роденом, А. Дюма-сыном, Сарой Бернар, Айседорой Дункан (к которой, несмотря на известное соперничество, она относилась с большим уважением) и другими великими современниками.

Учебное пособие адресовано танцовщикам, хореографам, педагогам, студентам хореографических училищ и академий, балетоведам, историкам танца.

**УДК 793
ББК 85.327**

Loie Fuller (1862–1928) was an American dancer, who was standing at the origins of a modern dance. Fuller performed dance improvisations, accompanied by classical music, was the forerunner of Isadora Duncan, influenced the next generation of modern dance performers. Her memoirs “Fifteen years of my life” (fr. “Quinze ans de ma vie”) with the preface written by Anatole France first saw the light in Paris in 1908. The memoirs’ language is vivid and fascinating. Fuller recalls her meetings with A. Rodin, A. Dumas (son), Sarah Bernhardt, Isadora Duncan (toward which, in spite of the well-known rivalry, she had a big respect), and other great contemporaries.

The textbook is intended for dancers, choreographers, teachers, students of dance schools and academies, ballet researchers, dance historians.

© Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»,
2020

© Михнюк О.В. (перевод), 2020

© Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»,
художественное оформление, 2020

Обложка
А. Ю. ЛАПШИН

ЛОИ ФУЛЛЕР: ПРЕРВАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, ИЛИ СТО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Зима 1893 года. Заснеженный полустанок где-то в русской Польше. На темном вокзале ни души, лишь одна фигура меряет беспокойными шагами перрон. Новая звезда «Фоли-Бержер», каких-то полгода назад вспыхнувшая неровным еще светом на парижском театральном небосклоне, волею судьбы оказалась за тысячами миль и от родного дома в Иллинойсе, и от веселой французской столицы. Заманчивый контракт с петербургской дирекцией варьете обернулся одним из самых решительных испытаний в едва начавшейся танцевальной карьере. В Париже — больная мать, умирающая от пневмонии, но дельцы от искусства и слышать не пожелали о том, чтобы разорвать выгодную сделку. Побег из поезда на неизвестной станции. Последние деньги, ушедшие на обратный билет до Берлина. Беспросветная тревога, почти отчаяние. Нет никакого Петербурга, и не будет больше в ее жизни, ибо одно лишь упоминание о гастролях в России всегда будет приводить на память ту ночь, когда время словно замерло, грозя совсем остановиться.

Однако в Россию Лои Фуллер, основательница танца модерн, предтеча гораздо более известной нам Айседоры Дункан, все-таки приехала. Сначала — в изображениях. Ибо образ ее воссоздавали на картинах, в статуях, в скульптурных портретах, на постерах и афишах известнейшие художники эпохи, в числе которых были Огюст Роден и Анри Тулуз-Лотрек. И даже архитектуру не обошли новые веяния — образ «окрыленной» женщины с воздетыми словно в танце руками украсил фасады домов эпохи

модерна не только в Европе, но и в российской столице, например, на Малом проспекте Петроградской стороны. Затем — в восторженном восприятии Анатолия Луначарского, который видел Лои Фуллер в 1914 году и не скрывал своего восхищения ее искусством. Еще чуть позднее прибудет в Россию и очарует русскую публику Айседора Дункан, выступавшая некоторое время вместе с Фуллер и живо воспринявшая ее идеи и образы. И наконец, через сто двадцать три года после злосчастливого турне, ее книга «Пятнадцать лет моей жизни», написанная по-английски и в том же 1908 году переведенная на французский одним из добрых друзей артистки, книга, которую без колебаний предварил восторженным предисловием Анатоль Франс — эта книга выходит на русском языке, возвращая нам не только облик Лои Фуллер, каким его запечатлели фотографии и киноплёнка, но и ее речь, ее слова о себе, своих танцах, о людях, с которыми свела или развела ее не такая уж долгая, но очень яркая жизнь. Речь живую, местами сбивчивую, но всегда очень искреннюю и непосредственную.

О чем этот рассказ? Совсем немного, но очень красочно — о детстве в Иллинойсе, на ферме неподалеку от деревни Фуллерсбург, где будущая великая танцовщица, названная Марией-Луизой, но быстро превратившаяся в большой семье в Лои, родилась 22 января 1862 года. О раннем сценическом призвании — уже в два с половиной года девочка стала известна в округе трогательным и выразительным чтением стихов. О той, так и не состоявшейся по-настоящему артистической карьере, которой она отдала юность, выступая в ролях инженю и травести в различных театральных труппах, странствуя с ними по всей Америке и даже за пределы ее — в дальние колонии. О недостижимости, даже в мечтах, Европы, той Европы, где блистала тогда великолепная Сара Бернар — кумир начинающей американской актрисы. И та не смела даже думать, что великая француженка когда-то придет на ее собственное представление, станет, по выражению самой Фуллер, «ее публикой».

Но главное — о том, как и почему почти в тридцатилетнем возрасте открылся ей новый путь — не просто длин-

ный, но бесконечный в своих возможностях и открытиях. Путь танца — древнего и юного одновременно, столь же естественного, как дыхание ветра или пляска огня, прекрасного, как трепет крыльев бабочки или раскрывшиеся на рассвете лепестки цветка... Всем этим ее не раз еще назовут критики и зрители от мала до велика: бабочкой, орхидеей, полыхающим пламенем, волшебной птицей, феей света. Но сама она, повторяя эти восторженные эпитеты, задумывается совсем о другом. О чем артистке, по всеобщему убеждению, думать не положено.

Она постоянно думает, рассуждает. Об истоках танца — ритуального по природе и эмоционального по сути. Утверждает, что танец — не движение под музыку, не ритм, что передается телу, но прямое выражение чувств, переживаемых человеком: печали, даже скорби, ликования, удивления, религиозного порыва, восхищения или страха, гнева или прощения. Ритм рождается внутри и выплескивается наружу — в виде жеста, что колеблет легкие складки одежд, создавая единственно правильный образ-метафору. Но чтобы этот образ увидели — нужен свет, без которого ни один предмет не станет самим собой. И еще необходим цвет — не просто как символ, но как физическое ощущение происходящих изменений. Переходы и контрасты — сама жизнь рождается здесь, на сцене, в свете разноцветных прожекторов, окрашивающих белые — всегда белые! — одежды исполнительницы. За импровизацией — точный расчет. За игрой складок и лучей — интеллектуальный труд, обращение к научному знанию, знакомство с учеными трудами и людьми науки, со всеми, кто может хоть как-то ответить ей на вопросы, что же такое зрение? Свет? Цвет? Движение?

Она ищет ответа в музеях, созерцая произведения искусства, в храмах — наблюдая потоки, льющиеся сквозь витражи, во всем, что попадает в поле ее зрения и, казалось бы, не имеет никакого отношения к хореографии. И пишет об этом. Поэтому ее обычные, на первый взгляд, мемуары затягивают читателя в процесс творчества и познания, не оставляют ему возможности остаться в стороне, шанса не понимать. Нет тайн, не меркантильной скрытности,

в которой часто обвиняли Фуллер ее конкуренты — мол, она тщательно скрывает, как делаются ее трюки, как создаются эффекты. Лои невозможно повторить не из-за отсутствия синего прожектора или флюоресцентной краски, но потому, что ее искусство такое же знаковое, как искусство слова. Воссоздать ее танец — то же самое, что написать чужую поэму. Не получится, ибо каждое слово в ней рождено собственным чувством, только ей свойственным видением, переживанием. Словно заклинание она повторяет: несовершенный оригинал лучше тщательно отшлифованной копии.

Как водится, размышления о творчестве ведут ее дальше — к наблюдениям за тем, как оно действует на людей, как соотносятся сценический образ и реальная женщина. Фуллер приводит высказывания самых разных людей — от детей до царственных особ. Но в очень небольшой степени из тщеславия. Заметно, как озадачивает ее различие между «феей света» и женщиной, которую так точно описала в своей книге Ева Кюри, которая видела Лои Фуллер в доме своих родителей: «...весьма своеобразная, небрежно одетая девушка с калмыцким лицом, без каких-либо следов грима, с детскими голубыми глазами звонит в парадную дверь, сопровождаемая толпой электриков с их аппаратурой.

Супруги Кюри несколько встревожены, но уступают место действия захватчикам, отправившись в лабораторию. А Лои в течение нескольких часов трудится, регулируя освещение, размещая привезённые с собой занавеси и ковры, чтобы воссоздать в небольшой столовой у двух учёных свой восхитительный спектакль». (*Ева Кюри. М.: Атомиздат, 1977. С. 194–195.*)

К себе — реальной Лои Фуллер относится с юмором, то и дело рассказывая истории, заставляющие читателя улыбнуться, даже когда повествует о трудных периодах жизни, о ситуациях, которые представляются ей чем-то вроде жизненного или артистического фиаско. Однако снова мысленно пережив трудные первые годы в Париже, отводит взгляд от себя, используя бесконечные упоминания о выступлениях и успехах лишь для того, чтобы взглянуть на других людей.

А людей этих много, и круг их не просто широк, но порой поражает безграничностью. В самом прямом смысле слова. С одинаковой наблюдательностью и симпатией рассказывает она о знаменитостях своего времени: супругах Кюри, чете Фламарионов, Александре Дюма-сыне, Огюсте Родене и о чете бродячих музыкантов, которых по случаю позвала в свой дом в Пасси, о представителях королевских домов Европы, перед которыми выступала, а с некоторыми, как с румынской принцессой Марией, даже дружила, и о злочлечениях маленькой японки Ханакко, или о сенегальском вожде, с которым свела ее Промышленная выставка в Марселе. Вереница лиц, характеров, суждений о жизни, и каждый из этих человеческих миров становится частью самой Лои.

Пожалуй, самая привлекательная черта рассказчицы состоит в том, что в ее собственном мире нет места пустым сетованиям на то, как устроены жизнь и люди. В ее представлении сильные мира сего оказываются человечными и деликатными, а обделенные судьбой — благородными и мужественными в незаметном своем существовании. А если и приходится выносить критическое суждение о тех, кого она хорошо знает, Фуллер никогда не забывает подчеркнуть, какими достоинствами они обязаны все же собственной известностью или удачей.

Так, навсегда остается для нее великой Сара Бернар, о которой, после двадцати лет знакомства и множества разочарований, Лои замечает, что она всего лишь женщина, и потребовалось много времени, чтобы это понять, но... «она по-прежнему мой кумир». Имя другого персонажа, о котором она может сказать немного хорошего, Фуллер вообще не называет, хоть и подробно рассказывает историю их отношений. И если бы Айседора Дункан сама не рассказывала столько о дебюте в Чикаго, шоке, который вызвали ее танцы босиком в тонком хитоне, о гастролях с труппой¹ Фуллер в Вене и Будапеште в 1901–1902 годах, что это стало общим местом всех ее биографий, вряд

¹ Свою труппу Лои Фуллер создала только в 1927 году, за год до смерти. — *Примеч. ред.*

ли кто-нибудь догадался бы, о ком именно идет речь. Но и здесь Лои замечает, что забывала обо всех сложностях, когда видела танцы своей подопечной. У нее настоящий талант и чувство — и это все, что делает из нее в глазах Фуллер артистку, достойную будущего успеха.

Все или почти все, что говорит о себе и о других Фуллер, подтверждает объяснение, которое Ева Кюри дала ее дружбе со знаменитыми физиками: «Так степенный флигель с замкнутой для посторонних дверью впустил к себе богиню мюзик-холла. Случилось это потому, что Лои была человеком тонкой души. По отношению к Мари она всегда питала то редкостное восхищение, которое ничего не требует взамен, а ищет случая принести пользу, доставить удовольствие». Именно поэтому книга ее интересна не только, и даже не столько, специалистам — они все знают о роли этой маленькой голубоглазой американки в истории танцевального искусства, ее запечатлела даже кинолента братьев Люмьер — сколько читателю просто мыслящему и чувствующему, наблюдательному и любознательному, как она сама.

Лои Фуллер умерла 2 января (словно этот суровый месяц всю жизнь принадлежал ей по праву!) 1928 года в Париже, упокоившись на кладбище Пер-Лашез. На ее могиле нет памятника, как нет и самой могилы — урна в кладбищенской стене. Но столько жизни и красоты осталось в фотографиях, на которых она танцует, в небольшом фильме, снятом при жизни, в ее совсем не литературных, но очаровательных рассказах о себе, что кажется, будто время не преграда, что давнее не задавшееся путешествие успешно завершилось, и Лои Фуллер, человек и артистка, сейчас здесь. Сто двадцать лет спустя.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я видел ее не только как прочие смертные, топчущие землю — на сцене, взметывающую изящным жестом пламенеющие свои покрывала или превращающуюся в пленительную лилию, являя нам новые грани возвышенной красоты. Я имел честь быть ей представленным на завтраке Tour du Monde в Булони. Передо мной была американка с тонкими чертами, глазами, голубыми, как вода, в которой отражается светлое небо, полноватая, благодушная, улыбка, изысканная. Я слышал, как она говорит: затруднение, с каким она выражается по-французски, добавляет ее суждениям убедительности, не умаляя живости; понуждает превращать их в нечто редкое, исключительное, находить каждый раз необходимую форму, самый лучший и меткий оборот. Речь рассыпается брызгами, выдавая иностранную манеру. Но ни жеста, ни движения в помощь. Лишь выразительные взгляды, ясные и изменчивые, как природные картины, что открываются на живописной дороге. И весь разговор, то шуточный, то серьезный, исполнен очарования. Эта блистательная артистка одарена здравым смыслом и деликатностью, способностью глубоко трогать тех, кто умеет распознавать знаки невыразимого, видеть пленительные тайны простых душ. Живыми и яркими чертами рисует она бедных людей, в которых находит ту красоту, что вырастила и украсила ее саму. Это не означало, что ее притягивают исключительно обездоленные, нищие духом. Напротив, она легко находит дорогу к душам натур более возвышенных, художников и ученых. Я услышал от нее самые тонкие и острые высказывания о супругах Кюри, Огюсте Родене и других, гениях по наитию или созданных собственным трудом. Без ее желанья, а возможно, и ведома, у нее сложились последовательная теория познания и полная философия искусства.

Однако тема, которая более всего ей дорога, близка, я бы даже сказал, интимна для нее, это поиски божественного промысла. Стали тому причиной свойства характера, присущие англосаксонской расе, протестантское воспитание или отдельные случаи, которые она не могла объяснить? Я не знаю. Но она истово религиозна, обладает острым пытливым умом, пребывая в постоянной заботе о предназначении человека. Во всех возможных формах, на все лады она допытывалась у меня о причинах и следствиях вещей. Не стоит и говорить, до какой степени мои ответы ее не удовлетворили. Тем не менее, она приняла мои сожаления со спокойным видом, улыбаясь так, будто заглянула в пропасть. Ибо она поистине благородное создание.

Чувствовать? Понимать? Она невероятно умна. И еще в более высокой степени наделена интуицией. Во многом одаренная от природы, она могла бы стать ученым. Я услышал от нее весьма разумные суждения по разным вопросам астрономии, химии, физиологии. Но их она выносит бессознательно. Она артистка.

Я не мог отказать себе в удовольствии напомнить о своей встрече с этой очаровательной и необычной женщиной. Какое диковинное приключение! Вы восхищаетесь издали, в мечтах, воздушной фигурой, сравнимой в грациозности движений с теми танцовщицами, каких можно увидеть на фресках Помпеи? проплывающими в легчайших своих покрывалах. И однажды она появляется в реальности в покровах еще более просторных нежели те, что окутывали умерших, и вы замечаете, как много в этой женщине ума и сердца, что она это натура немного таинственная, философическая, верующая и возвышенная, улыбчивая и благородная.

Такова в действительности эта Лои Фуллер, которую наш Роже Маркс приветствовал как самую целомудренную и выразительную танцовщицу, вдохновенную красавицу, что отыскала в себе и вернула нам утраченные сокровища греческой пластики, искусство мистических чувственных движений, раскрывающих перед нами явления природы и метаморфозы живых существ.

Анатоль Франс

ГЛАВА 1

МОЙ ДЕБЮТ НА ЖИЗНЕННОЙ СЦЕНЕ

— Чей это ребенок?

— Я не знаю.

— В любом случае, заберите его, не оставляйте здесь...

Тут один из собеседников взял маленькую девочку, чтобы отнести ее в танцевальный зал. Это был забавный живой сверток с черными кудрявыми волосами, не весивший, должно быть, и шести фунтов.

Два господина обошли собравшееся общество, спрашивая у каждой женщины, не ее ли это ребенок. Никто не признался.

Тем временем две дамы вошли в комнату, которая служила гардеробной, и направились прямо к кровати, на которой малышку, за неимением лучшего, уложили отдыхать. Одна из них спросила, как до того танцор:

— Чье это дитя?

— Боже правый, что он здесь делает? Это ребенок Лил. Ему нет еще шести недель, а она притащила его сюда! Это не место для младенца в таком возрасте. Осторожнее, вы можете сломать ему шею, если будете держать так. Говорю вам, ему не больше шести недель!

Вдруг какая-то женщина рванулась с другого конца бальной залы. Она закричала и выхватила ребенка. Вся раскрасневшись, она пыталась его унести, в то время как один из танцоров сказал ей: «Она совершила свой первый выход в свет, пусть здесь и остается!».

С этой минуты и до окончания бала малышка оставалась «гвоздем» вечера. Она ворковала, размахивала ручонками, перемещалась по всей зале, пока последний из танцоров не должен был уйти.

Этим ребенком была я, и вот как случилось сие приключение.

На дворе был январь, и зима свирепствовала не на шутку. Стоял сорокаградусный мороз. В это время мои мать, отец и братья жили на ферме в шестнадцати милях от Чикаго. Приближалось время моего появления на свет, а температура упала настолько, что не было больше возможности обогревать дом должным образом. Здоровье матери вызывало у отца серьезное беспокойство. Тогда он отправился в деревню Фуллерсбург, население которой состояло почти исключительно из наших родственников: кузенов, свояков и их отпрысков, и договорился там с владельцем единственной в округе таверны. Там в общей комнате стояла большая чугунная печь. Никакая другая печь в той местности не давала столь ощутимого жара. Бар переделали в спальню, там я и узрела свет. В тот день толстая ледяная корка покрыла стекла, и вода замерзала в кувшинах в паре метров от знаменитой печи.

В этих подробностях я уверена, ибо подхватила насморк в момент рождения и до сих пор от него не вылечилась. Но поскольку у меня была хорошая наследственность со стороны отца, я вошла в жизнь с изрядной долей сопротивляемости, при невозможности избавиться от последствий этого изначального холода я могла хотя бы их вынести.

Через месяц мы возвратились на ферму, и таверна обрела свое прежнее назначение. Я уже говорила, что это было единственное кабаре в округе, и так как мы заняли помещение бара, то вынудили поселян на тяжелую жертву — лишиться себя излюбленного времяпрепровождения на целых четыре недели.

Однажды вечером, когда мне исполнилось полтора месяца, толпа людей остановилась напротив нашего дома. Они собирались устроить сюрприз¹ кому-то, чье жилище находилось в двадцати милях от нас. Они прихватывали всех по дороге и остановились, чтобы забрать с собой моих

¹ Сюрпризом (surprise party) в Соединенных Штатах называют ночной визит к друзьям большой компанией, когда те к этому не готовы. В таких случаях будят весь дом, приносят съестное, зовут музыкантов и устраивают вечеринку с ужином.

родителей. Им дали пять минут на сборы. Отец был близким другом тех людей, к кому направлялись на вечеринку, и так как, помимо этого, он являлся одним из лучших музыкантов в округе, он не мог избавиться от обязанности сопровождать танцы компании. Он приготовился присоединиться к соседям. Те настаивали, чтобы матушка тоже их сопровождала.

Что же делать с ребенком? Кто ему даст молока?

В этой ситуации ничего не оставалось, как захватить с собой и дитя.

Матушка отказывалась, ссылаясь на то, что не успевает как следует подготовиться. Веселая ватага не принимала никаких возражений. Меня завернули в одеяло и отнесли в сани, которые и привезли меня на бал. Когда мы прибыли, было решено, что я ребенок воспитанный и собираюсь проспать всю ночь, так что меня устроили на кровати в комнате, переделанной в гардеробную, заботливо укрыли и предоставили самой себе.

Тогда-то два господина, упомянутые в начале этой главы, и обнаружили дрыгающего ручками и ножками ребенка. Из одежды на малышке было желтое фланелевое платье и ситцевая нижняя юбка, придававшие ей довольно несчастный вид. Вообразите себе чувства матушки, когда она увидела дочь в подобном неглиже.

Вот так состоялся мой дебют на публике в возрасте шести недель, поскольку действовать иначе я не могла. И всю оставшуюся жизнь все, что я делала, было того же рода: я не могла «поступать иначе». И заодно приучилась не слишком заботиться о своих туалетах...

ГЛАВА 2

МОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ НА НАСТОЯЩЕЙ СЦЕНЕ В ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА

В то время, как я была совсем маленькой девочкой, президент Чикагского прогрессистского лица, куда мы с родителями ходили по воскресеньям, нанес послеполуденный визит моей матери, чтобы поблагодарить ее за выступление в минувшее воскресенье. Так как матушка никак не могла понять, о чем именно речь, я встала с ковра, на котором сидела с игрушками, и объявила:

— Я забыла вам сказать, мама, что в прошлое воскресенье я читала в Лицее свое стихотворение.

— Читала свое стихотворение? — повторила матушка. — Что она хочет этим сказать?

— Как, — сказал президент, — разве вы не знаете, что Лои читала в воскресенье стихи?

Матушка была несказанно поражена, так, что даже слегка испугалась. Я бросилась ей на шею и осыпала поцелуями со словами:

— Я забыла вам сказать... Я читала *свое* стихотворение!

— О, да! — подтвердил президент. — И с большим успехом!

Матушка попросила все ей объяснить.

Тогда президент поведал:

— В перерыве между занятиями Лои вскочила на эстраду, сделала изящный реверанс в сторону ораторов, так, чтобы они это заметили, затем, опустившись на колени, прочла коротенькую молитву. Что это была за молитва, я не припомню.

Матушка прервала его:

— О, я знаю! Это была молитва, которую она читает каждый раз, когда я ее укладываю спать.

И я прочла это в воскресной школе, где собирались свободомыслящие люди!

— Потом Лои встала, еще раз поприветствовала публику и с огромным усилием сошла вниз. Она не осмелилась спускаться стоя, поэтому села и съезжала со ступеньки на ступеньку, пока не оказалась на полу. Пока она это делала, публика в зале смеялась, глядя на ее желтую фланелевую юбочку и ботиночки с кожаными носками, болтающимися в воздухе. Но Лои снова встала на ноги и, слыша смех, подняла правую руку, сказала громко: «Тише! Замолчите! Я сейчас вам прочту свое стихотворение». Она не шевельнулась до тех пор, пока в зале снова не воцарилась тишина. Затем Лои, как и обещала, прочла стихотворение и вернулась на свое место с видом человека, который сделал самую естественную на свете вещь.

В следующее воскресенье я, как обычно, собралась в лицей с братьями. Матушка тоже пришла после полудня и села с краю на скамью для приглашенных, не принимавших участия в наших занятиях. Она как раз размышляла о том, как удачно что ее не было тут в прошлое воскресенье, и она не видела моего «успеха», когда какая-то женщина взошла на эстраду. Дама стала читать по бумажке, которую держала в руке. И когда она закончила, матушка услышала слова: «А сейчас нам предстоит удовольствие послушать как наш маленький друг Лои Фуллер читает стихотворение “У Мэри был барашек”».

Матушка, до предела пораженная, не могла пошевелиться или вымолвить хоть словечко. Она лишь прошептала: «Эта малышка сошла с ума? Она никогда не осмеливалась читать подобное! Она слышала его только однажды!».

Словно сквозь туман, она увидела, как я встаю со стула, медленно поднимаюсь по ступенькам и рывком взбираюсь на эстраду, помогая себе руками и ногами. Наверху я обернулась, оглядела публику, сделала изящный реверанс и начала читать голосом, заполнившим весь зал. Я читала стишок с таким серьезным видом, что, невзирая на мои ошибки, его смысл поняли, оно захватило всех присутствующих. Я не останавливалась, если сбивалась, и прочитала маленький отрывок с начала и до конца. Потом я еще раз

приветствовала публику, и все бурно мне зааплодировали. Я подошла к ступенькам и спокойно скатилась по ним до самого низа, как делала это в прошлое воскресенье. Однако на этот раз никто надо мной не смеялся.

Когда матушка, изрядное время спустя, пришла меня забрать, она была бледна и вся дрожала; она спросила, почему я не предупредила ее о том, что собираюсь сделать. Я ответила, что не могла предупредить, потому что сама об этом не знала.

— Где ты это выучила?

— Я не знаю, мамочка!

Она сказала, что я должна была слышать, как этот отрывок читал брат. И я его вспомнила. С тех пор я декламировала стихи везде, куда только попадала. Произносила и речи, но уже в прозе, так как использовала выражения, свойственные мне самой, которые позволяли передать смысл вещи, не особо заботясь о том, чтобы ее повторить слово в слово. С моей твердой и быстрой памятью, мне достаточно было услышать стихотворение один раз, чтобы прочесть его от начала до конца, не ошибаясь ни в одном слого. Впрочем, отличную память я сохранила. Впоследствии я испытывала ее, когда брала накануне премьеры роли, в которых не знала ни единого слова. Таким образом я сыграла Маргариту Готье в «Даме с камелиями», хотя, чтобы выучить роль, у меня было всего четыре часа.

В то воскресенье, когда я заговорила, матушка впервые ощутила нервную дрожь, которая должна была указать ей, если бы она могла понять это трагическое предупреждение, что ей предстоит стать жертвой ужасной болезни, которая на долгие годы оставит ее в неподвижности.

С весны, последовавшей за моим дебютом в Фоли-Бержер, и до самой своей смерти она сопровождала меня во всех поездках. В то время, как я это писала, за несколько дней до ее кончины, я могла слышать ее слова или даже молчание, так как она находилась в соседней комнате, где две сиделки наблюдали за ней днем и ночью. Во время работы я время от времени подходила к ней, поправляла подушки, приподнимала, давала лекарство или что-нибудь

поесть, тушила свечи, потом ненадолго открывала окно и возвращалась с своим делам.

Со дня моего выступления в Чикагском Прогрессистском лицее я продолжала драматическую карьеру, и этих постановок накопилось уже столько, что хватило бы заполнить множество томов. Поскольку приключения беспрерывно сменяли друг друга, я не смогла бы разрешить задачу описать здесь их все.

Теперь же мне следует сказать, что когда в моей жизни разыгралась эта театральная история, мне было два с половиной года.